

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ХІХ КОНДРАТЬЕВСКИХ ЧТЕНИЙ «МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: УРОКИ ПРОШЛОГО, РИСКИ И ШАНСЫ»

Аналитический обзор XIX Кондратьевских чтений «Модернизация российской экономики: уроки прошлого, риски и шансы» сделан на основе стенограммы докладов, выступлений участников Чтений и развернувшейся дискуссии по основным докладам. Обзор сделан в логике названия мероприятия: 1. Уроки прошлого; 2. Риски модернизации; 3. Шансы модернизации, и собственного видения обсуждаемой проблемы как автора одного из основных докладов, представленных на этой конференции.

20 октября 2011 года в Государственной Думе РФ прошло совместное заседание Научно-экспертного совета по антикризисной политике Аналитического управления Аппарата Государственной Думы, Института экономики РАН и Международного фонда Н.Д. Кондратьева на тему «XIX Кондратьевские чтения «Модернизация российской экономики: уроки прошлого, риски и шансы». В Чтениях приняли участие ученые академической и вузовской науки. Наряду с академиками, докторами и профессорами выступали будущие ученые - аспиранты и студенты.

Директор Института экономики РАН, президент Международного фонда Н.Д. Кондратьева, чл.-корр. РАН Гринберг Р.С., открывая заседание, сказал: «Международный фонд Николая Дмитриевича Кондратьева сегодня проводит уже XIX-е Кондратьевские чтения. На будущий год мы будем праздновать юбилей наших заседаний. За эти годы Международный фонд Николая Дмитриевича Кондратьева проделал серьёзную эволюцию. И надо сказать, что актуальность тем, заявленных для тех или иных чтений, всегда была основательной. И мы пытаемся оценивать экономическую ситуацию в стране и мире в контексте наследия Кондратьева. Ведь сегодня в период турбулентности в мировой экономике вспоминают Николая Дмитриевича не только в России, но и во всём мире. И сегодня идёт большая дискуссия по поводу причин кризиса, по поводу путей выхода. Используется такое понятие, как "инновационная пауза" или "инвестиционная пауза". И всё больше людей связывают теперешнее состояние дел в мире с размышлениями и с выводами Николая Дмитриевича Кондратьева о длинных циклах. По-видимому, потребуется ещё много исследовать для того, чтобы понять чёткие закономерности, связанные с длинными волнами и с новыми технологическими укладами».

Вслед за Гринбергом Р.С., ведущий заседание - председатель Научно-экспертного совета по антикризисной политике, начальник Аналитического управления Аппарата Государственной Думы Белоусов А.Н. добавил: «Это очень приятно видеть, что Фонд Кондратьева собирается теперь в Государственной Думе и мероприятия, которые он

проводит, вызывают столь большой интерес. И дискуссия носит весьма содержательный и перспективный характер».

Это тема, продолжил Белоусов А.Н., актуальна, главным образом, в связи с принятым курсом на модернизацию российской экономики, более того, на модернизацию всех сфер жизни нашего общества и нам хотелось бы обсудить проблему модернизации в следующем контексте. Сейчас многие эксперты и у нас, и в мире считают, что мировую экономику может накрыть вторая волна кризиса. Наша зависимость от мировой конъюнктуры известна. Поэтому возникает ряд вопросов: как мы будем проводить модернизацию экономики, если вторая волна кризиса всё-таки наступит? Возможна ли модернизация экономики в условиях кризиса или её придётся отложить до окончательного его преодоления? А если второй волны кризиса не будет или нам удастся её быстро погасить, есть ли у нас возможности для эффективной модернизации нашей экономики?

Такое вступление настроило всех участников на деловой разговор, порой очень эмоциональный и неравнодушный. Было высказано много различных позиций, точек зрения и получилась как бы системная картина, целостный, вместе с тем имеющий различные позиции, взгляд на состояние модернизации в целом и модернизации российской экономики в частности. Представим результаты этой работы, но не с позиции кто за кем и что говорил, а исходя из логики названия Кондратьевских чтений: уроки прошлого, риски и шансы. Проанализируем не только основные доклады и выступлениями, но и развернувшуюся по основным докладам дискуссию.

УРОКИ ПРОШЛОГО

Любая модернизация может содержать в себе реформы, которые должны быть направлены на приведение в соответствие состояния производительных сил с велениями времени и должна носить комплексный системный характер. Но в истории России исключительной особенностью реформ является то, что они осуществляются сверху, власть имущими и которые в своем содержании и осуществлении не допускают ущемление интересов самих реформаторов. А это, как правило, приводит к тому, что они не достигают своих первоначально объявленных целей, приводят к разочарованию масс и порождают новые проблемы и трудности, которые могут приводить к дальнейшим социальным и политическим потрясениям, вплоть до революций (Богомазов Г. Г., д.э.н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета). Исторический опыт модернизации показал также, что жесткое администрирование сверху давало иногда быстрый, но как правило, не всегда положительный эффект и не способно было создать

эффективную саморазвивающуюся экономику. Это доказывает опыт модернизации Петра I, основанный на рабском труде, Иосифа Сталина, основанный на принудительном и рабском труде. И, наконец, эпоха Брежнева. Она породила гипертрофию военно-промышленного комплекса, основанного на средствах, которые давала монополия внешней торговли (Клинов В.Г., д.э.н., профессор МГИМО). Фактически это были попытки модернизации мобилизационного типа.

Вспомним реформу 1861 года... Её величие состоит в том, что свободу постепенно получили 22 миллиона с половиной крестьян, но эта реформа носила компромиссный характер. Реформа не удовлетворила общество: ни помещиков, ни дворян, ни крестьян. Помещики были недовольны и ссылались на жалованную грамоту Екатерины II, которая ущемляла их права и отнимала некоторые привилегии. Крестьяне не удовлетворились реформой, прежде всего, потому, что она не только не улучшила, а ухудшила их материальное положение. Она, прежде всего, не решила земельный вопрос. И вот почему эта реформа обладала слишком коротким ресурсом времени.

Нерешенные проблемы в сельском хозяйстве мешали модернизации и экономике, в которой Россия тогда очень нуждалась, и это привело к тому, что в 1906 году правительство всё-таки пошло на новую реформу, известную как столыпинская реформа. Эта реформа серьёзно подвинула решение тех проблем, которые не решила реформа 1861 года. Она в отличие от крестьянской реформы 1861 года, по мнению Богомазова Г.Г., не носила компромиссного характера, не проводилась в угоду какому-либо классу. Реформа предполагала, в качестве основной цели, поднятие аграрного сектора страны. Для этого и был дан толчок организации новых форм крестьянских хозяйств фермерского типа, на котором зиждется сегодня всё западное сельское хозяйство. Реформа имела серьёзную экономическую, законодательную поддержку со стороны государства. Это поистине была комплексная, очень глубокая реформа, которая, к сожалению, не завершилась. То есть, сказал в заключение Богомазов, когда мы говорим о так называемой столыпинской реформе, нельзя не признать, что это была смелая, энергичная попытка действительного решения проблем аграрного сектора отечественной экономики. И если бы она была завершена, есть все основания предполагать, что она дала бы, безусловно, положительные результаты для осуществления аграрной модернизации.

С такой оценкой исторического наследия великого реформатора П.А. Столыпина не согласился другой участник чтений (Городецкий А.Е., д.э.н., зам. директора ИЭ РАН). Реформы, по его мнению, были необходимы, и многое было сделано для их осуществления, *но они не устроили никого*. Конечно, смерть великого реформатора губительно сказалась на деле его жизни. Но реформы погубили не только роковые

выстрелы террориста Багрова. Их убили отсутствие консенсуса между основными классами и группами в обществе по поводу реформ, всеобщее социальное и политическое недовольство ими. Не в последнюю очередь поэтому, от великих реформ до великой революции оказался, по историческим меркам, всего один шаг. И об этом надо помнить, когда мы затеваем очередную модернизацию.

Следующий урок прошлого дают нам исследования в области НЭПа, результаты которых были представлены на Чтениях (Голанд Ю.М., в.н.с. ИЭ РАН). В больших масштабах по тем временам с 1925 года началось обновление основного капитала и в промышленности, и в сельском хозяйстве, то, что позднее было названо началом индустриализации. Изучение этого периода – с 1925-го по 1927 год показало, что было много недостатков в этом процессе. Проекты, по которым осуществлялась реконструкция действующих предприятий или новое строительство, были с большими дефектами, они не раз потом пересматривались. Выяснилось, что завозимое импортное оборудование за счёт кредитов, которые тогда предоставлялись, долго лежало на складах, не использовалось, а полученное оборудование использовалось неэффективно. Председатель правительства Рыков тогда в середине 1927 года так характеризовал ситуацию: "Строим дорого, зря и плохо".

Эти недостатки приводили к тому, что на потребительском рынке, на розничном рынке возникали диспропорции, и нарушалось равновесие, если темп капитальных вложений превышал какой-то определенный уровень. Возникло противоречие между необходимостью обновлять основные фонды, реконструировать всё и реальными возможностями делать это эффективно.

Обсуждая эту проблему, высококвалифицированные экономисты того времени, в числе которых был и Н.Д. Кондратьев, предложили два подхода для ее решения: количественный и качественный.

Первый был подход такой, его придерживался Кондратьев, главным элементом является синхронизация пропускной способности высокотехнологичного оборудования (по тем временам) и имеющимся квалифицированным кадрам для того, чтобы проекты осуществлялись без дефектов, строились быстро и эффективно.

Второй подход заключался в том, что не надо строить много, а надо строить ровно столько, сколько обеспечит качество выпускаемой продукции. И только потом, устранив все имеющиеся недостатки и диспропорции, наращивать количественно.

На практике был выбран третий вариант - сталинский, который предусматривал высокие темпы и объемы строительства независимо от всех дефектов, независимо от тех затрат людских сил и с какими потерями в области сельского хозяйства. Строили очень

неэффективно и только потому, что необходимо было проводить индустриализацию. Тем не менее, всё было построено.

Для современной ситуации уроки НЭПа и этапа индустриализации и подходы к их осуществлению надо обязательно учитывать для обеспечения эффективного использования всех видов ресурсов, продолжил Голанд. И этого можно добиться при условии, если будут устранены дефекты развития страны. Первый – это связанный с запредельной коррупцией, которая носит у нас особый системный характер, охватывая снизу доверху все уровни управления. Второй дефект связан с отсутствием квалифицированных кадров. И третий связан с институциональной проблемой, которая состоит в том, что сама система, которая сейчас построена, не ориентирована на большую эффективность, не ориентирована на конечный результат. В этих условиях, те планы модернизации, о которых в своих докладах на Чтениях много говорили академики Аганбегян А.Г. (зав. Кафедрой экономической теории и политики РАНХ и ГС при Президенте РФ) и Глазьев С.Ю. (заместитель генерального секретаря ЕврАзЭС), и которые предусматривают многомиллиардные вложения в модернизацию реального сектора экономики и в создание шестого технологического уклада, на практике приведут к растрате этих денег. Поэтому на первый план, с учетом опыта прошлого, выходит подход, предусматривающий такие институциональные изменения, которые обеспечивают не увеличение средств, а их лучшее использование.

Но очень важно понять и изучить не только уроки отдаленного прошлого, но и уроки прошедших 20 и даже 30 лет с момента перестройки. Ведь перестройка началась как раз тоже под лозунгом ускорения и по существу модернизации, как ответ на застой. А на сегодняшний день мы имеем то, что в 2009-м году мы произвели 14 самолётов, а в 90-м году на территории Российской Федерации производили 150 самолётов. То есть, в результате мы получили не ускорение производства самолетов, а их резкое замедление, т.е. деиндустриализацию (Павленко Ю. Г., д.э.н., профессор, зав. Центром ИЭ РАН).

Поэтому, чтобы извлечь уроки надо, прежде всего, понять причину неэффективного развития, объективную причину периодически возникающих кризисов, причину непрерывной череды явлений хаоса и порядка. Получив ответ на этот вопрос, и уже только тогда можно будет решить, какая же модель социально-экономического развития необходима для России, а может быть и мира, чтобы обеспечить бескризисное эффективное развитие. (Бондаренко В.М., к.э.н., в.н.с. ИЭ РАН, Доброчеев О.В., к.т.н., ведущий эксперт Минэкономразвития РФ, в.н.с. Курчатовского института)

Так приход после кейнсианства эры права либеральной философии – назад к Смиту, и установка на дерегулирование для России не имели никакого смысла (Гринберг Р.С).

Либеральная теория – это просто совершенно ложный взгляд на то, как устроен мир, и что надо делать. И в перспективе, исходя из логики теории длинных волн Кондратьева, и того, что мы сегодня имеем в рамках этой экономической парадигмы, этот подход, который предполагает, что рыночные механизмы сами по себе вытаскают экономику из депрессии, является абсолютно нелепым, неверным и деструктивным (Глазьев С. Ю.).

Разразившийся в 2008 году экономический кризис, попытка использования монетарных методов выхода из него и полученные результаты привели к тому, что была поставлена под сомнение сама идея рыночного механизма. Пример использования монетарной парадигмы при решении задач антикризисной политики - это наш пример, когда деньги были просто вкачены в банковскую систему. И, как видим, никакого прорыва к модернизации не произошло, рубль девальвировался в полтора раза. Банкиры, получив несколько триллионов рублей, успешно совершили атаку против рубля и на этом заработали 300 миллиардов прибыли. Государство дало им возможность спекулировать с государственными деньгами под 300 процентов годовых на валютных операциях. При этом машиностроение упало у нас на 40 процентов, объемы падения промышленного производства и ВВП в России были самыми высокими в мире и самыми высокими среди стран "20". То есть, потратив около 40 процентов ВВП на антикризисную программу, мы получили самый худшие результаты (Глазьев С.Ю.). Эта тенденция особенно четко проявляет себя в контексте разных угроз, которые сегодня стоят перед человечеством. И в этом смысле получается, что как и в прежних моделях развития России, вместо модернизации экономики, потребуется мобилизационный рывок для формирования модели экономического роста. (Гринберг Р. С.).

На этом фоне, в результате кризиса и сокрушительного поражения позиции рыночного фундаментализма, четко проявились, как минимум, несколько тенденций, вернее четыре возвращения забытых теорий и утраченных позиций (Гринберг Р.С.).

Первое - возвращение циклов. 130 месяцев экономического роста в Америке и в других странах последние 10 лет, 15 лет перед кризисом, в общем-то, позволили многим известным экономистам с мировыми именами сказать о том, что мы кризисы преодолели. Когда Френсис Фукуяма сказал, что конец истории, экономисты расшифровали это так, что и кризисов уже не будет. Циклы возвращаются. Мы не знаем их периодичность, но точно знаем, что они возвратились, и мы точно знаем, что антициклическое регулирование, которое было в большой моде в 50-е, 60-е, 70-е, 80-е годы, опять нуждается в актуализации. И нужны новые механизмы этого антициклического регулирования.

Вторая тенденция - это возвращение тенденции укрупнения капитала и сосредоточения его в руках немногих, точно так же, как это было в конце XIX века. Высказывания ученых о том, что компьютерная эра приведёт к тому, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли в формировании и структуре мировой экономики, и в темпах роста, не оправдались. На самом деле мы везде имеем слияние капиталов и поглощение. И это тенденция прослеживается во всех странах и в регионах. В результате, возвращаясь к марксистско-ленинской парадигме, мы должны ясно понять, что действует очень мощно закон неравномерного развития. Т.е. неравномерность развития растет. И в этой связи есть очень серьезная дискуссия по поводу того, как с этим мириться (Гринберг Р.С.).

Третья очень важная тенденция - это возвращение реального сектора экономики, материальной экономики. В каком-то смысле полушутя, полусерьёзно мы говорим о постиндустриализме в странах бывшего социализма, которые начали свои реформы с углубления примитивизации экономики. Последние 20 лет индустриальный ландшафт становится все примитивнее. И возникшая, примерно, за 10 лет до кризиса теория о том, что у нас теперь финансовый сектор превалирует над реальным сектором и что экономика стала настолько постиндустриальной, что реальный сектор вообще не столь существенен, а финансовый сектор проявляет все большую активность. Это, как бы, одна точка зрения, почему происходит углубление примитивизации экономики. Другая заключается в том, что промышленность уходит не как вариант последующей замены на постиндустриальное общество, а просто его утрата происходит в результате мощной мировой конкуренции. Вот в этом смысле можно говорить о постиндустриализме, в котором реализуется заинтересованность всего остального мира от Америки до Китая, чтобы в России не происходила модернизация экономики. В сущности, никому не нужно, чтобы появилась держава, которая имеет свою промышленность и производит готовые изделия (Гринберг Р. С., Глазьев С. Ю.).

Четвёртая тенденция – это возвращение во все сферы хозяйственной и политической жизни страны государства. Это означает отказ от экономической философии мейнстрима, который предполагал отказ от государственного регулирования. Следовательно, на данном этапе позиция рыночного фундаментализма потерпела поражение (Гринберг Р. С.).

Но когда мы говорим о том, что государство должно заниматься инновациями, надо понимать какое имеется в виду государство, ведь государство государству огромная рознь. И если мы думаем, что наше нынешнее государство может заниматься инновациями, то мы ошибаемся. Оно также как и советское не может этим делом

заниматься, а вот американское государство занимается. Для сравнения, чтобы вот видеть различие между ними, приведем такой пример. В Соединённых Штатах Америки 800 административных ведомств, которые занимаются регулированием экономики, они не подчиняются правительству, не входят в правительство, их руководители не уходят в отставку вместе со сменой кабинета министров. Это чиновничье ведомство, издающее обязательные для исполнения административные акты. У нас таких ведомств нет вообще. В ФРГ 500 центральных административных федеральных ведомств, которые тоже занимаются регулированием экономики и тоже это не министерская система, не правительственная. Наша Конституция предусматривает, 71-й статьёй пунктом "ж" создание федеральных экономических служб и федеральных банков, но они не созданы до сих пор. И посмотрите, сколько лет Конституции, уже 10 лет отметили, ничего здесь не сделано (Казанцев Н.М.).

Уроки прошлого показали, что все попытки модернизации экономики и общества не имели законченного успешного результата, фактически носили мобилизационный характер с целью выживания, а не развития. И в интересах модернизационного проекта, в условиях острого дефицита исторического времени для его реализации, - в наших интересах, исходя из объективных национальных интересов России, - признать объективные реалии и не откладывать дело перемен до хорошо известных критических моментов истории. Исчерпание исторического времени не снимает модернизационный проект с повестки дня, но с неумолимостью ставит нас перед угрозой самых жестких *мобилизационных вариантов модернизации* (Городецкий А.Е.)

РИСКИ

В данном разделе анализируется собственно модернизация в том виде, как она представлена в докладах, выступлениях и дискуссии. В отдельный раздел выделился обсуждаемый вопрос о сегодняшнем состоянии науки, как гаранта правильного выбора развития России.

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Если брать этимологию французского слова "модернизация", то это означает усовершенствование. Отсюда, если говорится о модернизации, то надо подразумевать как некий резкий скачок или плавный переход в сторону каких-то позитивных усовершенствований и улучшений того, что уже имеется. Сегодня не наблюдается даже самых небольших, малых позитивных изменений в положительную сторону. Отсюда возникает главный вопрос: в чём смысл модернизации, что мы собираемся модернизировать, и способна ли российская экономика вообще выдержать модернизацию? Первое – это состояние основных фондов. Их катастрофический износ

составляет 80 %. На Западе считается, что, если износ основных фондов составляет 60 процентов, значит пошел второй срок, второй этап их эксплуатации, и их надо не модернизировать, а полностью менять. Второе. Наблюдается деградация трудового потенциала и хищническая эксплуатация природных ресурсов, отток и бегство капиталов, отсутствие длинных денег, ограничения для России в приобретении новых технологий, утечка умов. Как результат - снижение конкурентоспособности в промышленности и в других отраслях и их все большее технологическое отставание. Высока величина социального неравенства, социального расслоения, социальной конфликтности и других явлений (Сухарев О.С., д.э.н., профессор, в.н.с. ИЭ РАН).

Тогда возникает главный вопрос: должны ли мы вернуться и восстановить эти утерянные параметры и позиции, а потом уже перейти к их усовершенствованию? В чём тогда смысл провозглашенной модернизации? Что мы собираемся модернизировать? Если говорить о промышленности, то в 90-е годы наблюдался абсолютный спад по промышленности. И с 2000 по 2008 годы - годы экономического роста при росте экономики и формальном росте в промышленности происходила дальнейшая деградация и по фондовому составу, и по технологическому обеспечению, и по кадровому составу. Происходит утрата кадров активного возраста и постарение рабочей силы, отсутствует подготовка специалистов для новых технологий и, как следствие, снижается уровень оплаты труда, компенсаций и надбавок за сложность и высокую напряженность труда. Отсутствует социальное регулирование в регламентах организации производства и преодоления «отчужденности» труда. (Сухарев О.С., Нешиной А.С., к.э.н., профессор, в.н.с. ИЭ РАН, Клинов В.Г., Белозерова С.М., д.э.н., в.н.с. ИЭ РАН, Лаптев А.А., к.э.н., главный редактор журнала «Инновационный менеджмент», Арутюнов А.Л., н.с. ИПУ им. В.А. Трапезникова, Чистилин Д.К., Иностраный член РАЕН, Президент МИРиС Саймона Кузнеца, Украина)

Приведем конкретный пример. Стратегические перспективы модернизации и инновационного развития регионов Севера, а это 65 процентов территории России, заключаются не в процессах усовершенствования уже имеющего потенциала для развития, а исключительно в процессах преодоления препятствий, преодоления различных вызовов. На сегодняшний день укрупнено существует двенадцать основных вызовов: макроэкономический, сырьевой, технологический, социально-демографический, финансовый, инфраструктурный, правовой, кадровый, информационный, интеграционный, транспортный и экологический. Для иллюстрации раскроем некоторые вызовы. Например, технологический вызов. Он заключается в недостаточном обеспечении прогрессивных структурно-технологических сдвигов в продвижении передового

технологического уклада. На Севере не до 6-го и не до 5-го технологических укладов, здесь не создан даже 4-й уклад. Или кадровый вызов. Он заключается в недостаточном кадровом обеспечении и, особенно за последнее время, из-за резкого снижения качества образования. А для Севера это вообще проблема невероятная, поскольку закрываются вузы в малых городах, не даются бюджетные места и так далее. Поэтому Север просто оголён кадрами по всем специальностям, не только управленческим (Цукерман В.А., заведомо промышленной инновационной политики Кольского научного центра РАН, Ярошевский А.В., гл. специалист ФГУП НИИ «Восход»).

В модернизации с использованием лучших достижений в других странах и в собственной стране, нуждаются все сферы экономики и общественной жизни, и отношения собственности, и вся экономическая, организационная, финансовая и правовая системы. Вместе с тем, в послекризисный период, намеченные Минэкономразвития темпы роста не обеспечат даже к 2014 году восстановление экономики по сравнению с докризисным 2008 годом. То есть, та новая траектория экономического роста, на которую перешли в послекризисный период, приведет к тому, что удельный вес и уровень экономического развития России в мире будет понижаться не только по сравнению с развитыми странами, но и по отношению к развивающимся странам. В бюджетах 2009-2011 годов не финансировались такие отрасли, как высокотехнологичное приборостроение, химическая отрасль, энергообеспечивающая отрасль, роботостроение и станкостроение, высокотехнологичное материаловедение. Ни одного ФЦП, ни одной программы на этой тематике нет. Фактически у России не может быть возможности войти в число самых развитых стран или даже в число развитых стран, потому что при темпе роста 4 процента в год, по прогнозу Института мировой экономики и международных отношений до 2030 года, эти страны будут развиваться с опережением на 2,3-3 процента. Вывод такой, что Россия развивается по старой модели социально-экономического развития, которая себя изжила, имеет многие диспропорции. И, естественно, диспропорции со временем углубляются, что не способствует не только ее модернизации, но даже послекризисному восстановлению. С другой стороны, социально-экономическая система, которая сложилась за последние 20 лет, в принципе не совместима с модернизацией. Она её отторгает, потому что эта социально-экономическая система совместима с периодом первоначального накопления капитала, и основана на коррупционных отношениях. В основе первоначального накопления капитала, который имел место в нашей стране, конечно, является коррупционная приватизация. Таким образом, получается, что модернизация нужна как воздух и в тоже время она не нужна (Аганбегян А.Г., Долматова С.В., к.э.н., с.н.с. ИЭ РАН). Так о какой модернизации может

идти речь? Если модернизация будет использоваться для ускорения темпов роста экономики, то возникает вопрос: а нужен ли в сегодняшней модели социально-экономического развития высокий рост, если большая часть прибавки ВВП вывозится или присваивается финансовой олигархией, если социально-незащищенные слои научных работников, инженеров, врачей, учителей от этого роста не будут ничего получать? Ведь задачи модернизации, как бы их ни формулировали, осуществлять должны люди конкретные в конкретных секторах экономики, в конкретных звеньях управления для повышения их конкретного уровня жизни (Сухарев О.С., Павленко Ю.Г., Нешитой А.С.).

Риск модернизации заключается также в самом понимании необходимости реализации курса на модернизацию, в необходимости проведения политики модернизации, если вторая волна кризиса становится реальностью. Возникает вопрос: нужна ли вообще России модернизация? Особенно, если учесть, что исходя из теории Кондратьева, мировая экономика в 2008 году вступила в понижительную волну большого Кондратьевского цикла. И с этой точки зрения выход из этой большой понижительной волны будет приблизительно в 2020-2025 годах. С 2012 до 2015 года будет новый мировой кризис, который по уровню своего падения мировой экономики будет равен великой депрессии. И здесь не получится никаких вариантов для развития экономики в 2013-2014 годах, как планирует Минэкономразвития или как предлагает на этих Чтениях академик Аганбегян А.Г., потому что мировая экономика упадет, цены на нефть, на газ упадут, скорее всего, до 35-40 максимум долларов за баррель. Вопрос: а что будет в этом случае с нашим бюджетом? Ещё один кризис – это кризис 2017-2018 годов. И только после этого, начиная только с 2020 года, пойдёт повышательная волна большого Кондратьевского цикла, и мировая экономика поднимется. В этих условиях развития мировой экономики, предложение Президента РФ модернизировать Россию и в качестве главного института модернизации использовать "Сколково", как копия "Силиконовой долины", - это движение назад. "Силиконовая долина" является институтом пятого технологического уклада, который сформировался 25 лет тому назад. Если ещё 10 лет будет формироваться "Сколково", то Россия к тому времени отстанет на 35 лет от мирового экономического прогресса. Всё, что предлагается сделать сегодня в рамках модернизации: приватизация, вступление в ВТО, либерализация экономики и так далее - это всё пятый технологический уклад. Это всё движение назад. Такая модернизация приведёт к ещё большему отставанию России. Поэтому сейчас нужна не модернизация российской экономики и не восстановление старого уклада, а необходимо опережающее развитие, основанное на шестом технологическом укладе, контуры которого уже хорошо определились. Сформировалось его ядро, это комплекс нанотехнологии, биотехнологий,

основанных на достижениях молекулярной технологии и генной инженерии и тех же информационно-коммуникационных технологий. Это ядро сегодня растёт по наносектору примерно 35 процентов в год, объёмы применения нанотехнологии увеличиваются. По достижениям молекулярной биологии и генной инженерии наблюдаются даже ещё более высокие темпы. (Глазьев С.Ю., Айвазов А.Э., независимый аналитик) Но здесь также подстерегают большие риски. Один риск заключается в том, что неизвестно, что произойдет раньше коллапс глобальной финансовой системы, или капитал сумеет всё-таки найти себе приложение в новом технологическом укладе и этот уклад примет на себя избыточный капитал, который сегодня вращается на рынке в спекулятивном режиме. Этот вопрос неясен! Другой риск связан с тем, что политика модернизации в условиях структурных кризисов, - это, прежде всего политика развития, политика прорыва к принципиально новым технологиям и формирование нового технологического уклада, который не может вырасти на базе механизмов в чисто рыночной самоорганизации. Поэтому эта политика требует очень сложной разветвленной, гибкой и самое главное - ответственной системы управления. Но в отличие от политики либеральной, политика развития требует больших компетенций и больших ответственностей, потому что ведущая роль государства в создании иницирующего импульса и огромные средства, которые приходится вкладывать в новый технологический уклад, конечно, требует контроля и требует механизма ответственности и государственных чиновников, и менеджеров. А это именно то, что у нас отсутствует в нынешней системе управления. Вывод: Переход к модернизации в рамках нынешней политики модернизации, в рамках нынешней системы управления и в рамках нынешней модели социально-экономического развития и рамках нынешнего состояния науки просто нереалистичен.

НАУКА

Сегодня мы наблюдаем тотальную критику идей рыночного фундаментализма даже самых ее идеологически выверенных сторонников. Влияние этой школы мышления уходит с большим скрипом не только потому, что сложившиеся за последние 30 лет во всем мире структуры препятствуют некоему оздоровлению общей мировоззренческой среды для новой экономики. Но и потому, что, много разных концепций появляется в результате кризиса идей рыночного фундаментализма. Но оценить эти концепции не совсем получается, так как не понятны последствия их применения. Даже эконометрические модели не в состоянии предвидеть будущее. Когда развитие происходит линейно, то и без математики можно предвидеть будущие события. Проблема в том, что развитие происходит нелинейно и молодая экономическая наука пока еще только учится сочетать математику с вербальными идеями. Более того, дело дошло до

того, что один из ведущих институционалистов Англии как истинный британец вместе с коллегами обратился с письмом к королеве Великобритании, в котором высказывалась тревога, что ортодоксальная экономическая наука - мейнстрим превратилась в ответвление прикладной математики и занимается изысками, вместо того, чтобы решать реальные проблемы. Но, к сожалению, сегодня дело не только в математике. Экономическая наука разобщена на множество конкурирующих концепций, отсутствует единая экономическая теория на всех уровнях. Она как бы является отражением того, что реальность экономическая фрагментарна, распадается на отдельные отрасли, уже межотраслевой баланс является абстракцией, нет связи между отраслями, между предприятиями. (Гринберг Р.С., Ерзенкян Б.А., д.э.н., профессор, гл.н.с. ЦЭМИ РАН, Черняева И.В., д.э.н., Московская государственная академия делового администрирования).

Следовательно, разобраться в проблемах модернизации, в различных аспектах модернизации и выработать обоснованные пути решения не представляется возможным, так как сама наука тоже находится в кризисе. В чем ее кризис? Во-первых, фундаментальная экономическая наука не престижна, занимается мелкотемьем (Павленко Ю.Г.). Даже, если пытаются смотреть на все процессы с позиции микро-, мезо- и макроэкономики, то все это помогает осветить многие вопросы более или менее системно. Но это во многом, к сожалению, скорее искусство, чем наука (Ерзенкян Б.А.). Престиж науки сильно упал также и потому, что наука не имеет канала инструментально влияния, отсутствует механизм донесения знаний. Если бы была введена экспертиза, которую бы осуществляла наука, всех программ, проектов, планов и прогнозов, тогда бы было много принято более позитивных решений. Это и есть путь повышения престижа науки и внедрения научных знаний в реальную практику. Следующая важнейшая проблема, которая сегодня наблюдается и в экономике, и в социальном развитии, и в безопасности нашей страны состоит в том, что реальная наука не интегрирована ни в производство, ни в экономику, ни в политику. И эта проблема, действительно, очень глубокая, и она не поверхностна. Все дело в том, что такая интеграция позволит заниматься не просто модернизацией производства, она заставит заниматься конкретно воспроизводством производительных сил производства и человека. (Ржаницина Л.С., д.э.н., проф., гл.н.с. ИЭ РАН, Иванченко В.М., д.э.н., проф., гл.н.с. ИЭ РАН).

А экономическая политика, в свою очередь, одновременно с кризисом в науке и параллельно с ним представляет собой совокупность не связанных и неизвестно откуда возникающих решений (Гринберг Р.С.). Например, как предлагает Глазьев С.Ю., следовало бы проводить политику развития, опираясь на теорию развития и на

последующие исследования, которые проводились так же, как и длинные Кондратьевский волны. Раз в 40, 50 лет, когда экономика повергается в кризис, все вспоминают про эту теорию. Так же, как и теория Кондратьева, эта теория развивается импульсивно. Про нее забывают в периоды устойчивого развития и затем вспоминают, когда наступает кризис и плохо понятно, каковы же его причины, почему в отличие от стандартных деловых циклов такого рода кризисы не преодолеваются быстро и стандартные механизмы их преодоления не работают, а подчас даже усугубляют ситуацию. Теория "длинных волн" также развивалась циклично: про нее успешно забыли в послевоенные годы, затем про нее вспомнили в 70-80-е, когда очередной "Кондратьевский кризис" произошел. И тогда было немало прорывных работ, в частности, книжка Герхарда Мэнша, который раскрыл связь между длинными волнами и динамикой инновационной активности, показав, что перед кризисом и в период депрессии в начальной стадии возникают ситуации технологического пата, то есть экономика теряет технологические траектории развития. Старые траектории перестают работать, а новые ещё не сформировались.

Затем целая серия исследований была посвящена анализу того, как же складываются эти технологические траектории. Ввели понятие "технологический уклад", который описывает совокупность технологических траекторий, составляющих технологическую базу длинной волны. Появилось понимание того, как связаны технологические сдвиги и институциональные изменения в этих длинноволновых циклах и переходах. Была прорывная работа Карлоты Перес, которая ввела понятие технико-экономической парадигмы. Но и сейчас тоже всплеск интереса к этой теории. И выход из кризиса происходит тогда, заверил Глазьев С.Ю., когда оставшийся после обесценения капитал, частично погибший в финансовых пирамидах, пробивает себе дорогу к перспективным направлениям развития нового технологического уклада. И этот новый технологический уклад набирает достаточный вес для того, чтобы вытащить экономику из депрессии.

В противовес этой точки зрения Ерзенкян Б.А. сказал, что в 1870 году, по подсчётам Норда Уолиса, транзакционный сектор ВВП Соединённых Штатов составлял где-то порядка четверти, 25 процентов. Транзакционный сектор - это торговля, страхование, правоохранительная деятельность и так далее, включая финансы. И первое место принадлежало торговле. 100 лет спустя транзакционный сектор в два раза вырос. И роль первой скрипки перешла финансовому сектору. Спустя ещё 50 лет опять-таки рост транзакционного сектора вместе с финансовым сектором. Так вот, если на протяжении 150 лет есть устойчивый рост финансовой системы, объяснить это только волновой динамикой, видимо, недостаточно. Надо при анализе постараться отделить не волновые факторы, от волновых. Ведь в смысле Кондратьевских волн, 150 лет - это уже не

вписывается в волновые закономерности. Это необходимо для того, чтобы, соответственно, и решения принимать правильные и прогнозировать будущее достоверно. Тем более что методы прогнозирования, которые приняты везде, в том числе, в экономической науке и в экономике в целом, основанные на анализе прошлого, сопоставлении с настоящим и экстраполяцией на будущее, в эпоху глобализации перестают действовать. Нужны другие схемы, другие подходы (Сабинин В.Е., к.хим.н., с.н.с. Санкт-Петербургского университета экономики и финансов).

Мир и Россия уже более 200 лет экспериментируют. Россия ищет стратегию своего развития, балансируя между западной и восточной моделью, и до сих пор ее не имеет (Аганбегян А.Г., Лось В.А., д.ф.н., профессор РАГС при Президенте РФ). И, несмотря на то, что уже два года с 15 мая 2009 года в нашей стране действует указ "Об основах стратегического планирования в Российской Федерации", толку от него нет. Америка планирует экономику, начиная с 1824 года, Европа - начиная с начала XX века. И законы там есть об этом, и всё остальное. Но во всех стратегических планах задачи ставятся конкретно, количественно измеримо и так, чтобы государство как работодатель могло финансовым контролем точно отследить, построен объект или не построен, строится атомная подводная лодка или не строится. Сегодня в России, как и в советское время делали, формулируются благие пожелания в виде великих мечтаний на будущее и принимаются они за стратегические планы (Казанцев Н.М.).

Сейчас социально-экономический и даже социально-экономико-политический ландшафт России напоминает лунную поверхность, с многочисленными разломами и кратерами. Нет единства, нет консолидации, нет согласованности интересов, нет системности. По каким направлениям? Первое, на что обращают внимание - структурные перекосы. Всё это хорошо известно. Но есть более важные, более глобальные вещи и на что редко обращают внимания - разрыв между наукой, производством и политикой. Когда была ликвидирована отраслевая наука, стало ясно, что зазор между реальной и хозяйственной практикой и экономической наукой России остался зияющим. И вот второй разрыв, который необходимо заполнять - это разрыв между политикой и реальной хозяйственной практикой. Те решения, которые принимаются политиками, на практике игнорируются. А порой и осмеиваются. Следующий разрыв - это разрыв интересов между собственником, менеджером и работником. Он связан с тем, что согласно институциональной структуре, которая у нас есть, права собственников практически ничем не ограничены. А права работников, по сути дела, сведены к нулю. Права менеджеров находятся, так же, как и наука, между совестью и собственностью. Еще один, пожалуй, самый важный разрыв - это разрыв между интересами власти, бизнеса и

гражданского общества. В этом треугольнике бизнес и власть играют между собой, а гражданское общество находится в роли стороннего наблюдателя. Потеряли также местное самоуправление, потому что его место в существующей вертикали власти не совсем понятно ни законодательно, ни организационно. Разрыв между всеми перечисленными сферами является одним из основных провалов, который в существующих планах модернизации не замечается и не упоминается (Клейнер Г.Б., чл.-корр. РАН, зам. директора ЦЕМИ РАН, Иванченко В.М., Павленко Ю.Г., Белозерова С.М.).

Недостаточно также говорить только о модернизации экономики, не рассматривая необходимость этого процесса в других сферах. Ведь экономика, как известно, - это средство достижения определенных целей. Но каких целей? Кто, когда и где эти цели сформулировал? Если мы говорим о прибыли как целевой функции развития общества, то это вводит нас в страшное заблуждение, потому что прибыль, если мы не считаем это как один из основных атрибутов системы управления, уводит всё общество в совершенно другую категорию. Прибыли могут быть максимальные, но низкие могут быть заработная плата, социальные условия жизни, техника, технология, наука, и так далее, и тому подобное. До сих пор во все времена политика модернизации осуществлялась ради трех целей: в целях выживания, как условие усовершенствования ради экономического успеха и как средство удержания у власти. Как правило, это были модернизации мобилизационного типа и, исходя из поставленных целей, определялись направления, средства и методы достижения. И сейчас центральная задача политической и властной системы – не изменить окружающее их общество, а по результатам модернизации усилить свои позиции. Поэтому вопросы модернизации надо рассматривать как совершенствование системы управления всей комплексной системой. Но что такое управление? Это такое воздействие субъекта управления на объект управления, которое сохраняет жизнеспособность и устойчивое развитие объекта управления. Но сегодня в системе управления столько недостатков, что невозможно при этих недостатках модернизировать экономику и всю систему в целом. Таким образом, риски в определении политики модернизации связаны, как уже было сказано выше, с отсутствием целеполагания. И сегодня, при разработке новой промышленной политики, нового этапа индустриализации, который Россия должна инициировать, новых объединительных процессов на постсоветском евразийском пространстве, серьезные ограничения связаны именно с тем, что опять-таки наука не ответила на вопрос в отношении целеполагания. Следующий недостаток связан с тем, что нет ясности: а кто же субъект действий для осуществления процессов модернизации, если понимать под модернизацией

существенное обновление всей системы, в т.ч. и экономики, чтобы она получила устойчивую базу для своего развития в интересах народа, в интересах нации? Но основной недостаток заключается в том, что наша система управления бездуховна, антинаучна, потому что не направлена на человека, так как человек - это духовное существо и не может ведь без духовности модернизироваться, управляться, и развиваться. (Гринберг Р.С., Белоусов А.Н., Зарнадзе А.А, д.э.н., профессор Государственного университета управления, Маслова И.С, д.э.н., гл.н.с. ИЭ РАН, Курюкин А.Н., к.пол.н., с.н.с. ИС РАН)

ШАНСЫ

Анализ всех заслушанных докладов, выступлений и дискуссии показал, что на Чтениях в итоге обозначились четыре основных сценария модернизации и структурной перестройки экономики и в целом всей системы.

Первый сценарий модернизации и структурной перестройки заключается в понимании того, что политика модернизации – это, прежде всего, политика прорыва к принципиально новым технологиям и формирование нового технологического уклада и политика опережающего развития. Секрет опережающего развития заключается в том, что нужно правильно определить приоритеты, увидеть точки роста нового технологического уклада. Речь идет не только об укладах технологических, хозяйствующих, так сказать, субъектов и так далее, о некотором технологическом облике. Была аграрная экономика, была экономика промышленная. Сейчас время создания интеллектуальной экономики, где основным средством производства выступают знания и человек, носитель знаний. Для этого необходимо создать законодательные условия для того, чтобы развивалась эта составляющая, чтобы обеспечить переход от стадии производства знаний, то, чем занимается наука, через стадию воспроизводства знаний, за что отвечает образование, через систему сохранения знаний, за что отвечает культура, И, наконец, система информации, где идёт потребление знаний. Вот эти все сферы должны быть взаимосвязаны и гармонизированы. Дальше это должно быть связано, естественно, с капиталом, то есть с финансовыми структурами, соответственно, с трудовыми ресурсами и так далее.

Политика модернизации, построенная на политике прорыва к принципиально новым технологиям и формирование нового технологического уклада, не может вырасти на базе механизмов с чисто рыночной самоорганизацией. Она может быть реализована вложением в эти технологии при иницилирующем импульсе со стороны государства с помощью механизмов государственного стимулирования и подготовки кадров, предоставлении возможности перспективным компаниям получать долгосрочные кредиты

и таким образом, максимально быстро освоить ключевые направления роста нового технологического уклада.

Но этот инициирующий импульс для модернизации и структурной перестройки экономики со стороны государства может и должен быть в десятки, если не в сотни, а, то больше раз, чем стоят все те программы развития, институты развития, которые сегодня государство пытается отстроить. То, что сегодня делается и те средства, которые выделяются, очень важны, но они микроскопические по своим объёмам, по сравнению с тем, что требуется сегодня для прорыва к новому технологическому укладу. (Глазьев С.Ю., Наумов Н.А., советник заместителя генерального секретаря Евразийского экономического сообщества)

Реалистичность этого сценария связана с обеспечением его масштабными финансовыми ресурсами и отсутствием кризисной ситуации.

Второй сценарий связан с модернизацией реального сектора, который состоит из четырёх пунктов. Первый пункт - это техническое обновление устаревшей материально-технической базы. Второй пункт - это перестройка отсталой структуры нашего народного хозяйства, зависящей от топливно-энергетических и сырьевых отраслей, производства материалов и полуфабрикатов. Третий - это модернизация инфраструктуры, прежде всего транспортной. Четвертый пункт – модернизация социально-экономической системы России.

Реализация этого сценария модернизации требует огромных денег. Где взять деньги? Первый источник – это заимствовать 350 из 510 миллиардов золотовалютных резервов, можно взаимобразно взять под инвестиционные кредиты. Эти деньги вернуться, конечно. Второй источник - это за счёт приватизации госсобственности. За счёт этого источника могут быть получены триллионы рублей. Третий источник. Предприятия и организации, в том числе государственные, должны огромные деньги, а наше государство долгов практически не имеет, 3 процента от валового внутреннего продукта. Государство на возвратной основе может взять на себя на такие цели безболезненно самые дешевые долги в размере 20-30 процентов валового продукта. (Аганбегян А.Г.)

В условиях второй волны кризиса этот сценарий также не имеет шанса быть реализованным.

Третий сценарий. Никакой модернизации не будет, если, говоря в старой марксистской терминологии, производственные отношения не будут приведены в соответствие с новыми производительными силами (с пятым и шестым технологическими укладами). Модернизация окажется невозможной, если не будут созданы условия для преодоления этапа первоначального накопления капитала. Шансы на модернизацию могут

появиться только тогда, когда будет четко сформулировано целеполагание и уже с учетом этой цели на основе долгосрочного научного прогноза, охватывающего в совокупности инновационно-технологические, экономические, социальные, природно-экологические и иные характеристики настоящего и будущего будет восстановлено стратегическое планирование и промышленная политика. При этом стратегический процесс надо рассматривать, как процесс изъявления интересов власти, бизнеса (конкретных предприятий), гражданского общества и личности и их взаимного согласования.

Нужна не "Стратегия - 2020", нужна система стратегического планирования, которая бы порождала изменение этой стратегии, порождала бы новые варианты стратегии в случае необходимости, следила бы стратегическим мониторингом за осуществлением этой стратегии и так далее. Это по сути дела преобразование в стране всей системы управления. В этом случае, решение проблем на макро, мезо и микроуровнях как целостной системы можно будет рассматривать не формально, а в системе стратегического управления. К этому надо вернуться на новом уровне, используя современные информационные технологии, вернуться именно к стратегическому планированию и управлению всех процессов. Управление как процесс передачи целеполагания от тех, кто эти цели формирует, к исполнителям, и обратный процесс формирования этих целей, этот процесс управления выпал из "Стратегии - 2020" и вообще из рассмотрения в качестве одного из основных процессов модернизации экономики России. Создание такого стратегического процесса в рамках всей России является основой процесса, понимаемого и как влияние науки, и как зависимость политики от практики, и как создание целостной системной модернизации России. Говоря о модернизации и о внедрении высоких технологий, надо не забывать, что это крайне дорогостоящий процесс. И он вовсе не гарантирует обеспечение текущего и будущего благосостояния населения, поэтому строительство экономики инновационного типа невозможно без развития базовых отраслей промышленности, в том числе сельского хозяйства. Поэтому развитие аграрной промышленности, как это было и в XIX, и в XX веках, надо рассматривать как неотъемлемый элемент так называемого предварительного или переходного этапа развития производительных сил. Значит, на этом этапе должно произойти укрепление ресурсной базы экономики и, соответственно, повышение эффективности ее использования на основе чего и можно будет уже дальше совершать предполагаемую модернизацию. Поэтому очень важна постановка проблемы модернизации, как научной проблемы и расширить дискуссию по ней до анализа путей формирования социально ориентированного общества нового типа. Высказывания относительно модернизации экономики России, с ориентацией на шестой технологический уклад, слишком

ограничивают ее технократическим подходом, не учитывающим степени зрелости нашего общества и вообще ситуации в нашем обществе. Поэтому целесообразно разработать механизм воздействия науки на все процессы, которые формируются в обществе, не только через центральную систему власти, а и через консолидацию той науки, которая находится в регионах и находится в разных муниципальных образованиях. Только таким образом можно добиться, чтобы российское общество стало открытым для самих своих граждан. Сегодня уже понятно, что ничего не решить, если будет выводиться за скобки главный субъект - масса простого народа в его подлинной структуре. Если они не станут заинтересованными участниками этого процесса, без них модернизация просто не состоится. То есть вот если мы с этой точки зрения не будем смотреть на все наши предложения, то, наверное, шанса на системную модернизацию не будет. (Гринберг Р.С., Белоусов А.Н., Клейнер Г.Б., Иванченко В.М., Барковский А.Н., д.э.н., профессор Центра внешнеэкономических исследований ИЭ РАН, Павленко Ю.С., Сухарев О.С., Маликова О.И., д.э.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ, Арефьев П.В., к.э.н., доцент кафедры «Макроэкономика и макроэкономическое регулирование» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Сабинин В.Е., Иванова К.С., студентка Финансового университета при Правительстве РФ, Егорова О.Я., студентка Финансового университета при Правительстве РФ)

Четвертый сценарий. Сегодня мы имеем признание того факта, что глобальный системный кризис имеет место быть, и нет рецептов борьбы с ним. Все саммиты G20, последний Форум в Давосе и кризис Еврзоны подтверждают этот факт в полной мере. И России не спрятаться от этого кризиса.

В условиях кризиса любая система институтов и механизмов, направленная на модернизацию всех сфер экономики и общественной жизни, даже с четко прописанными на бумаге взаимосвязями с промышленной политикой и долгосрочным прогнозированием научно-технологических приоритетов во главе с пятым и шестым технологическими укладами, все это будет отторгаться, как и прежде. В лучшем случае останется пустой риторикой или только на бумаге. Таким образом, будущее неопределенно, критично, апокалипсично и даже катастрофично в силу того, что используемые в мире технологии давно перестали быть адекватными той модели общественных отношений, которые сложились в России и в мире! Следовательно, главное условие дальнейшего развития - это **Знание закономерностей в развитии человеческой системы, объективных причин возникновения глобального системного кризиса, выхода на бескризисный путь развития и понимания последствий каждого принимаемого решения.** Время развития методом проб и ошибок безвозвратно прошло.

Чтобы получить эти знания, был разработан новый методологический инструментарий, в основе которого первичной оказалась необходимость сформулировать целепологание, вернее потребовалось определить объективную целевую заданность в развитии человеческого сообщества. Оказалось, что это конкретный человек во всем многообразии потребностей, вплоть до потребности достигнуть своего совершенства, или высшего разума, как принято говорить. То есть, объект развития, и субъект развития оказался один и тот же – это конкретный человек. Следующим положением нового методологического инструментария оказалось понимание того, что познать законы развития человеческого сообщества стало возможным только с помощью системного, целостного и трансдисциплинарного знания. Третье и четвертое положение заключается в том, что сопоставить и оценить все процессы возможно только через один единственный показатель – время, и через единый критерий эффективности развития человеческой системы - это время между потребностью человека реализовать цель в своем развитии, и той реальностью, где он находится. Если это «время между...» эволюционно сокращается, развитие системы идет в нужном направлении.

Этот инструментарий в конечном итоге позволил понять, что на всем протяжении развития человеческой системы, на планете существуют только две парадигмы развития. Первая парадигма развития - между производством и потреблением существует непосредственная связь. Все, что производится человеком им же и потребляется. И вторая парадигма - между производством и потреблением связь опосредованная. Во второй парадигме формируется массовое индустриальное производство конвейерного типа с развитием внутренней и внешней торговли и территориальной экспансией до глобального уровня и массовое потребление. Это тип производства ориентирован на удовлетворение спроса и потребностей абстрактного конечного потребителя через стихийную, архаичную рыночную, опосредованную удлинением времени и пространства, форму связи с конкретным человеком. В этих условиях неопределенность потребления привела к возникновению, а затем и к глобальному нарастанию диспропорции во времени производства и времени обращения товаров и денег к их полной десинхронизации. Время обращения многократно превышает время их производства. Произошел колоссальный отрыв динамики движения материально-вещественных факторов производства от их денежной формы как реальной, особенно виртуальной. В результате произведенный товар подчас оказывается никому не нужным или нужным, но он не там во времени и пространстве, а деньги, оторвавшись от реального оборота товаров, с большим опозданием возвращаются или вообще не возвращаются собственнику и крутятся с бешеной скоростью совсем в других сферах. Отсюда череда банкротств. Сначала на

уровне частных предпринимателей, затем корпораций, банковских структур, и в итоге на уровне государств. Рост государственного долга, дефолты Греции, Португалии, Италии и других стран тому пример. А теперь это будет на уровне Евросоюза, Америки и стран Азиатского региона. В этом и есть объективная причина кризиса. Начался этот кризис давно, с момента зарождения опосредованной парадигмы развития. Ещё 300 лет до новой эры Диоген Синопский говорил, что плохую услугу сделал человечеству тот, кто придумал плуг, который позволил производить продукта больше, чем нужно, для собственного выживания. Системный кризис сегодня - это вершина опосредованной парадигмы развития. Хаос и кризисы являются естественным ее продуктом. На этом длинном временном и пространственном пути их движения объективно создаются условия абсолютно для всех негативных явлений. Согласовать в этих условиях интересы государства, общества, бизнеса и конкретного человека не представляется возможным. И только сейчас, мы получаем шанс, с помощью высоких технологий пятого и шестого технологических укладов, снова перейти на непосредственную взаимосвязь между производством и потребностями конкретного человека и производить только то, что ему требуется, не производя ничего лишнего. Ведь двигателем развития является только сам человек, его мотивированность на это развитие, и учёт его интересов, и их согласование в реальном времени. На столкновении интересов и на их согласовании и происходит развитие. Формироваться это новая модель жизнеустройства должна одновременно на каждом местном уровне.

И в этом случае промышленная политика, реиндустриализация нашей промышленности должна быть сосредоточена на создании малых высокотехнологичных форм производства с распределёнными системами, перенастраиваемыми в реальном времени в зависимости от заказа конкретного человека по всему кругу его потребностей. И только в этой модели опережающего развития на технологиях шестого уклада, в модели непосредственных отношений между людьми естественным образом создадутся условия для мотивации работы на конкретный результат, на развитие «экономики знаний» на основе распространения мелких компаний, основным достоянием которых является интеллект, таланты и отношения творческого партнерства их основателей. Почему? Потому, что только в этом случае синхронизация отношений с конкретным человеком позволит создать систему партнерских отношений и согласования интересов государства, бизнеса, общества и конкретного человека во времени и в пространстве. И только это позволит обеспечить эволюционное бескризисное развитие и минимизировать время, а значит эффективно использовать все ресурсы для достижения цели.

Эта модель может и должна быть сформирована одновременно на каждом местном уровне самоуправления на основе разработки и реализации «Комплексной целевой программы формирования новой модели жизнеустройства». Более тридцати лет я пишу, что невозможно из центра учесть интересы конкретного человека. И, слава богу, наконец - то пришло это понимание и руководству страны. Не так давно президент РФ сказал, что «российская модернизация, модернизация экономики не может быть модернизацией, которая идёт из центра. Она должна опираться на активность граждан, на местные региональные инициативы, иначе просто ничего не получится».

Таким образом, остается один шаг, чтобы модернизация осуществилась, чтобы вся система, в т.ч. инновационная, заработала, это ввести в нее конкретного человека и учесть его интересы. В этом случае:

1. формирование новой модели жизнеустройства и приведение ее в соответствие с достигнутым уровнем производительных сил – это самый главный инновационный проект, создав который автоматически будут устранены все диспропорции, все условия для возникновения кризиса. Стратегия планирования и управления развитием России в долгосрочном, среднесрочном и краткосрочном периоде и ее дорожная карта будет формироваться исходя из единой цели;

2. установление цифрового равенства между конкретными людьми, равный доступ к благам цивилизации на основе заказа, не производя ничего лишнего, и согласование их интересов на каждом местном уровне в режиме самоуправления – это и есть подлинная демократия, и это позволит устранить все системные недостатки в социально-экономическом развитии России. В свою очередь это позволит создать безопасное, сильное, независимое от состояния дел во внешнем мире, государство и обеспечит безопасность личности, малой территории, где он живет, региона, и страны в целом;

3. учет интересов каждого конкретного человека на каждом местном уровне и их согласование в реальном времени - эта единственно возможная движущая сила, которая создаст мотивацию для повышения производительности труда. В свою очередь это позволит решить задачу, чтобы наша экономика стала в значительно меньшей степени зависимой от сырьевых поставок и приобрела бы, наконец, долгожданное интеллектуальное измерение, так как каждым человеком, и особенно молодежью, будут генерироваться новые знания в интересах всего общества и одновременно в своих собственных интересах. Только в этих условиях будет реально создана новая экономика, «умная» экономика, основанная на интеллектуальном превосходстве и производстве уникальных знаний, нацеленная на непрерывное улучшение качества жизни людей;

4. формирование новой модели жизнеустройства на основе высоких технологий XXI века и с учетом интересов каждого конкретного человека по всему кругу его духовных и материальных потребностей позволит каждый местный уровень одновременно превратить и в Биоэкополис, и в духовную Мекку, и в Центр по разработке и коммерциализации новых технологий «Сколково». А поскольку время будет работать на человека, то появится возможность приступить к непрерывному усовершенствованию этих отношений, то есть к модернизации. Такой шанс упустить нельзя.

В. Бондаренко

кандидат экономических наук, академик РАЕН и МАИБ
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН
директор Международного фонда Н.Д. Кондратьева